

The poster features a close-up of a man's face, which is partially transformed into a werewolf's. The right side of his face is covered in dark, fur-like texture with a single glowing red eye. A blood streak runs down his left cheek. He has dark, wavy hair and is wearing a dark, high-collared coat. In the background, a large, red, full moon hangs in a dark sky above a gothic castle with many spires. Red petals or leaves are scattered around the bottom and right sides of the image.

СВЕТЛАНА РАХИМОВА

ТРЕЙ

УЗЫ
АЛОЙ КРОВИ

18+

Светлана Рахимова

Узы алой крови-Трей

<https://litres.ru/74143609>

SelfPub; 2026

Аннотация

В глухих заснеженных горах скрывается тот, кого считают монстром. Проклятый гибрид Трей годами укрощал своего внутреннего зверя, но появление в городе Элайджи рушит всё. Древний Первородный Король вампиров явился сюда ради тайны заброшенных шахт — гробницы ведьмы Лилит, способной совершить лишь одно чудо в вечности и вернуть душу из царства мёртвых. Чтобы искупить грех прошлого и вырвать у бессмертного убийцы ключ к воскрешению, изгнанник вынужден вернуться в родную стаю. Сильнейшие вожаки двух рас объединяются в нерушимый союз. Им предстоит спуститься в сырую темноту подземного лабиринта, чтобы бросить вызов законам природы. Но магия ведьмы не даётся даром, и цена за возвращение погибшей Луны может оказаться слишком страшной.

Светлана Рахимова

Узы алой крови-Трей

Эту книгу данного цикла я от всего сердца посвящаю человеку, который искренне поверил в меня и протянул руку помощи в самый нужный момент.

Твоя поддержка была и остаётся для меня самым ценным даром на всём творческом пути. В те минуты, когда опускались руки, именно твоя вера заставляла меня двигаться дальше сквозь любую тьму. Благодаря тебе и моему вдохновению появилась эта книга, завершающая долгую историю. Спасибо тебе за то, что ты поверила в меня. Эта книга — для тебя.

Кликушина Юлия

Чёрный зверь слепо мчался сквозь лесную чащу, ломая кусты и не разбирая дороги. Трей бежал, уходя всё дальше от разорённой поляны, а в его расколотом надвое сознании раскалённым железом пульсировали дикая боль и леденящий ужас содеянного им. Кровавые картины роковой ночи вспыхивали перед его глазами при каждом вдохе: крики беззащитных волков, глубокие раны на теле Беатрис и искажённое от горя лицо Тайлера. Он совершил худшее. Его заставили стать палачом собственной семьи.

Израненное тело работало на пределе возможностей, буквально разваливаясь на ходу. Его кости были сломаны и трещали после сокрушительной, жестокой схватки с братом-альфой, а глубокие рассечения от когтей и клыков Тайлера тяжело, изнуряюще ныли. Каждый шаг отзывался в суставах резкой вспышкой муки, заставляя волка хрипеть и припадать на раненую лапу.

Но вся эта физическая немощь, все эти кровоточащие раны казались пустяком. Они были ничем, они не шли ни в какое сравнение с той сокрушительной, удушающей душевной болью, которую он испытывал сейчас. Тёмное проклятие, ненадолго отступившее под ментальным натиском брата, снова пыталось подчинить его волю, сковать мысли ядовитыми цепями чужого приказа.

«Почему это случилось именно со мной? За какие грехи судьба сотворила со мной это?» — мысленный крик Трея был полон удушающего отчаяния. Он продирался сквозь густые заросли, едва замечая, как ветки бьют его по израненной морде. — «Почему Тайлер не добил меня? Он же обещал... Я сам умолял его об этом! Я никогда, ни в этой жизни, ни в следующей, не смогу простить себе того, что натворил под действием этого проклятия. Господи, пусть с Беатрис всё будет хорошо... Надеюсь, я не сильно задел её, надеюсь, она выживет...»

Трея тяжело дышал, и вдруг сквозь хрип и свист в лёгких до него дошло странное, пугающее оцепенение. Боль от сло-

манных костей никуда не делась, но туман в голове больше не сгущался. Тёмные тиски чужого приказа, которые обычно мгновенно возвращали его в рабство, сейчас почему-то бездействовали.

Странно. Он мог контролировать себя гораздо дольше обычного.

Чёрный волк замедлил бег, постепенно переходя на тяжёлый, хромающий шаг, и полностью погрузился в осознание происходящего. Это казалось нереальным, призрачным сном: он снова, по-настоящему, управлял собственным телом и разумом. За последние семь мучительных лет ему удавалось вернуть контроль всего несколько раз, и то — на жалкие, мимолётные секунды, которые тут же тонули в новой вспышке ярости.

Всё изменилось в тот день, когда его насильно, против воли превратили в гибрида. С того самого момента Трей перестал быть хозяином своих действий. Проклятье заперло его человеческую суть в самую глухую, тёмную клетку подсознания. Его разум был заживо похоронен глубоко внутри монстра. И как бы отчаянно Трей ни бился о ментальные прутья, как бы ни кричал от бессилия, он физически не мог унять того первобытного, проклятого зверя, который беспрекословно подчинялся чужой воле и управлял его телом.

Но сейчас оковы ослабли. Словно сильный удар Тайлера в разгар боя или ментальный зов брата где-то на подсознательном уровне надорвали невидимые нити проклятья. Трей сто-

ял посреди лесной чащи в теле огромного монстра, но впервые за долгие годы чувствовал себя... свободным. Свободным, но раздавленным тяжестью совершённого греха.

— Как я мог так поступить?.. Почему, ну почему я не мог контролировать себя раньше?! До того, как мои собственные лапы совершили это непоправимое безумие... — мысленный крик Трея был наполнен удушающим, парализующим отчаянием.

Чёрный волк наконец замедлил шаг, тяжело дыша и едва удерживая равновесие. Всё его измученное, истерзанное тело теперь ныло от жгучей, непрекращающейся боли, но физические раны были ничем по сравнению с тем адом, что разворачивался в его голове.

— Тайлер никогда меня не простит... Он не должен. А если Бет... если она сильно пострадала из-за меня?.. Если я убил её?! — от этой мысли сознание Трея словно пронзило раскалённым клинком.

Силы окончательно оставили его. Прямо посреди глухой чащи огромный чёрный зверь повалился на колени, и его тело судорожно выгнулось, принимая человеческий облик. На сырую землю упал израненный, истощённый мужчина. Трей обхватил лицо дрожащими, покрытыми ссадинами руками, и горячие, обжигающие слёзы хлынули из его глаз, смешиваясь с запекшейся кровью. Его плечи сотрясались от беззвучных, разрывающих грудь рыданий.

— Я сам никогда не смогу простить себя. Никогда...

Трейд поднял голову и посмотрел на блёклый свет луны, пробивающийся сквозь кроны деревьев. В его взгляде застыл приговор, который он сам себе вынес.

— Мне никогда больше не будет места в этой стае. Я чудовище. Проклятый гибрид, принёсший смерть в родные стены. Я никогда, слышишь, небо, никогда не смогу вернуться домой...

Его тихий, надрывный шёпот растворился в равнодушном шуме вековых деревьев. Трейд остался один на один со своим грехом, проклятый чужой волей, не знающий, что на другом конце леса его брат Тайлер уже принял решение .

«Нужно бежать. Бежать как можно дальше отсюда, прочь от родных земель и стаи», — эта отчаянная мысль эхом билась в голове Трея, подгоняя его утасажующие силы.

Он поднялся с колен, шатаясь от жгучей физической боли, но его взгляд наконец стал твёрдым. Решение было принято.

«Я больше никогда, ни при каких обстоятельствах не должен причинить вред живому существу. Никому и никогда. Надо спрятаться там, где меня не отыщет ни одна живая душа. Я уйду в дикие земли. Я запрусь в самой глухой чаще и заставлю себя пройти через весь этот ад заново. Я научусь контролировать проклятого гибрида внутри себя. Чего бы мне это ни стоило, я укрошу этого зверя, и больше ни один невинный человек не пострадает от моих рук».

Трейд тяжело вздохнул, утирая остатки слёз и запекшейся

крови с лица. Он посмотрел в сторону горизонта, где за деревьями скрывался лагерь серебряных волков.

«А если мне не удастся это сделать... Если тёмная магия окажется сильнее моей воли, и монстр снова попытается забрать контроль... я не стану сопротивляться судьбе. Я вернусь. Я сам приду к Тайлеру, безоружный и покорный. Я упаду перед ним на колени и позволю ему исполнить справедливое возмездие. Я приму смерть от рук своего Альфы, чтобы он мог отомстить мне за всё, что я натворил».

Он прижал руку к груди, чувствуя, как глубоко внутри болезненно, но чисто бьётся его человеческое сердце. Напоследок Трей закрыл глаза, посылая в ночное небо свою самую сокровенную, отчаянную молитву, ещё не зная, что она уже никогда не будет услышана:

«Только бы с Беатрис всё было хорошо... Только бы она выжила».

С этими мыслями изгнанник развернулся и навсегда растворился в наступающих сумерках, унося с собой тайну своего великого проклятия.

Глава первая

Сент-Эльмо Колорадо десять лет спустя.....

— Трей, хорош стоять как осёл, разгружай быстрее! Шеф шутить не станет, он никогда не любил ждать, — проворчал

коренастый мужчина, утирая пот со лба и с грохотом опуская на землю тяжёлый ящик с провизией.

— Я и так вкалываю на тебя двадцать четыре часа в сутки, Сэм, остынь, — Трей слегка улыбнулся, ловко подхватив сразу две массивные коробки.

Ему всегда искренне нравилось подзадоривать своего ворчливого приятеля. В этой добродушной перепалке не было ни капли злобы — лишь привычный ритм их будней.

Маленькая, затерянная деревушка высоко в заснеженных горах стала для Трея настоящим спасением. Именно здесь, среди величественных скал и вековых сосен, он наконец обрёл тот долгожданный покой, о котором молился долгие годы. В этой глуши, за тысячи километров от родной стаи серебряных волков, интриг могущественных вампиров и кровавых кошмаров прошлой жизни, Трей совершил невозможное — он полностью обуздал своего внутреннего зверя. Проклятый гибрид внутри него больше не вырывался наружу, покорённый железной волей изгнанника.

Сейчас в этом изолированном городке жило от силы несколько десятков человек. Горстка суровых, неразговорчивых горцев — идеальное общество для того, кто скрывал страшную тайну.

Первые несколько лет Трей вёл глухую затворническую жизнь. Он поселился в полузаброшенном бревенчатом домике на самом отшибе, у подножия глухого леса. Он неделями не выходил наружу, стараясь лишний раз не попадаться

людям на глаза, боясь, что туман безумия вернётся и он снова причинит кому-то вред. Но шло время. С каждым годом ментальные щиты Трея становились всё крепче, контроль над волком — абсолютным, и одиночество начало давить на него. Он всё же решился сделать шаг навстречу миру.

Сэм стал первым человеком, который протянул ему руку. Их случайное знакомство на

единственной в округе полуразвалившейся заправке переросло в крепкую рабочую дружбу. Сэм понятия не имел, кем на самом деле является его молчаливый и невероятно сильный помощник, а Трей был просто благодарен за возможность чувствовать себя обычным человеком, а не проклятым монстром.

Сэм был из тех мужчин, чью зрелость и внутреннюю силу видно с первого взгляда. Ему перевалило за пятьдесят, и суровая горная жизнь наложила на него свой отпечаток: крепкое, коренастое телосложение, мозолистые ладони, привыкшие к тяжёлому физическому труду, и лицо, покрытое сетью глубоких морщин-лучиков от частого прищуривания на солнце. Его седеющая борода всегда была аккуратно подстрижена, а во внимательном, пронизательном взгляде серых глаз читался огромный жизненный опыт. Сэм не любил пустой болтовни, но за его напускной ворчливостью и набитой табакеркой трубкой скрывалось редкое в этих краях, по-настоящему доброе и справедливое сердце.

Он был полноправным хозяином этой Богом забытой за-

правки и единственного в округе маленького придорожного магазинчика, где местные жители могли купить всё — от моторного масла до свежего хлеба. Это место держалось исключительно на его упорстве.

Когда несколько лет назад на пороге его лавки появился Трей — истощённый, неразговорчивый парень с пугающим, затравленным взглядом и явными шрамами на душе, — Сэм не стал задавать лишних вопросов. В горах не принято лезть в чужое прошлое. Сэм сразу разглядел в нелюдимом чужаке колоссальную физическую силу и, что гораздо важнее, отчаянную потребность в честной работе и тихой гавани. Старейший горец просто доверился своей интуиции: он протянул Трею руку, официально принял его на работу и выделил скромное жалованье. За эти годы Сэм стал для беглого гибрида не просто строгим начальником, а единственным надёжным якорем в мире людей и близким другом, который вернул ему веру в то, что даже после самого страшного кошмара можно остаться человеком.

— Не пойму только одного, Сэм, — Трей с улыбкой покачал головой, аккуратно водружая на верхнюю полку последнюю, самую тяжёлую коробку с бакалеей. — Зачем тебе столько запасов еды? Складывается ощущение, что ты всерьёз готовишься к концу света или затяжной осаде.

— Какой же ты всё-таки болван, парень! — добродушно огрызнулся Сэм, шутливо хлопнув Трея по плечу свёрнутой в трубочку накладной. — У тебя что, уши опилками забиты?

Я уже целую неделю талдычу тебе по сто раз на дню о том, что завтра наконец-то приезжает моя дочь! И приезжает не одна. Она хочет познакомить нас со своим будущим мужем, чтоб его черти взяли.

При одном только упоминании о дочери суровое, обветренное лицо старого горца преобразилось до неузнаваемости. Сэм буквально весь засиял изнутри: морщинки вокруг его глаз разгладились, а суровый взгляд сменился неподдельной, детской радостью.

За те годы, что они работали вместе, Сэм часто рассказывал Трею бесконечные истории о своей Микаэле. Он вспоминал, как она росла, какой упрямой и смыслёной девчонкой была, как уехала учиться в большой город на равнине. И каждый раз, когда Сэм произносил её имя, в его хриплом голосе звенела невероятно трогательная смесь светлой отцовской тоски и безграничной, всепоглощающей любви. Трей всегда слушал эти рассказы затаив дыхание. В такие моменты он невольно думал о собственной потерянной семье, о брате Тайлере и о том, каково это — любить своего ребёнка так сильно, что даже расстояние в сотни миль не способно заглушить эту связь.

— Всё я прекрасно помню, Сэм. Просто решил немного тебя подразнить, — весело отозвался Трей и залился искренним, громким смехом, который эхом разнёсся по полупустому магазину. — Видел бы ты сейчас своё лицо со стороны! Жаль, зеркала под рукой нет.

— Ну всё, шутник, с меня хватит! — напускну нахмурился старик, пряча улыбку в седеющих усах и грозя Трею кулаком. — Наступит день, парень, когда я надеру твою упрямую задницу, и поверь, тогда тебе будет совсем не до смеха. А теперь слушай сюда и не перебивай. Завтра вечером я хочу, чтобы ты был у нас. Мы устраиваем праздничный ужин в честь приезда Микаэлы. Шарлотта прямо-таки настаивает на твоём присутствии. Она даже пообещала испечь тот самый яблочный пирог с корицей, который ты готов уплетать тоннами.

Трей резко осёкся, и веселье сошло с его лица. Внутренние невидимые барьеры изгнанника, которые он выстраивал годами, мгновенно напомнили о себе. Он неловко переступил с ноги на ногу и отвёл взгляд.

— Сэм, я... я не уверен, что это хорошая идея. Это будет не совсем удобно, — тихо и зажато пробормотал Трей. — К тебе приезжает дочь которую ты сто лет не видел. Вам стоит побыть наедине, чисто в кругу своей семьи. А я буду только путаться под ногами и мешать. Давай я лучше зайду в какой-нибудь другой раз.

Трей развернулся и уже направился к выходу, по привычке пытаясь трусливо сбежать в свою безопасную одинокую раковину. Но Сэм был слишком настойчив, чтобы позволить парню снова закрыться от мира. Он сделал широкий шаг и преградил ему путь.

— Так, стоп. Ничего даже слышать не хочу! — твёрдо и

непреклонно отрезал Сэм. Его голос потеплел, став непривычно мягким. — Послушай меня внимательно, Трей. За эти годы для нас с Шарлоттой ты тоже стал полноценной частью семьи. Настоящим сыном. И как бы ты ни пытался спрятаться от своего прошлого в нашей глуши, от чего бы ты там ни бежал — запомни: от нас тебе убежать не удастся. Мы тебя не отпустим. Поэтому я жду тебя завтра ровно в семь вечера у нас дома. Без опозданий.

Сэм ласково и крепко похлопал парня по широкому плечу, заглядывая ему прямо в душу своим мудрым взглядом.

— А теперь проваливай. Тебе нужно хорошенько выспаться. И приведи себя, наконец, в нормальный человеческий вид — сбрей эту недельную щетину.

Трей лишь молча кивнул, чувствуя, как к горлу подкатывает тёплый ком благодарности. Слова старого друга растопили ту ледяную стену отчуждения, которую он так долго выстраивал вокруг себя.

Трей лихорадочно ходил из угла в угол, меряя шагами тесное пространство своей скромной комнаты. Старые половицы жалобно скрипели под его тяжёлым весом. Он то и дело бросал тревожные взгляды на круглые настенные часы, чьё мерное тиканье сейчас казалось ему обратным отсчётом перед взрывом.

Осталось всего полчаса.

«Надо было сразу отказаться. Проявить твёрдость и сказать Сэму, что я никуда не приду, — панически думал Трей,

запуская пальцы в волосы. — Но тогда я бы до глубины души обидел Шарлотту, которая весь день провела у духовки... А вдруг что-то пойдёт не так? Вдруг посреди ужина этот проклятый гибрид внутри меня учует чужака и сорвётся с поводка? Я слишком давно не находился в кругу людей так долго. Слишком отвык от их запахов, эмоций, голосов. Я просто не имею права позволить себе навредить кому-то ещё. Хватит с меня невинной крови».

При одном упоминании о крови на Трея удушающей лавиной обрушились призраки роковой ночи. На самом деле за все эти десять долгих лет изгнания не было ещё ни одного дня, ни единой ночи, чтобы он не прокручивал в памяти кошмар, который его заставили совершить. Перед глазами до сих пор стояло искажённое от ярости лицо брата Тайлера, бледный, умирающий лик Беатрис и... Кейт.

Трей тяжело вздохнул, прислонившись лбом к прохладной деревянной стене. Он всегда, ещё там, в стае, знал, что Кейт любит его. Любит искренне, преданно. И теперь, оглядываясь назад сквозь призму пережитого горя, он понимал, что и сам был готов ответить ей взаимностью.

«Какое счастье, что мы тогда не успели запечатлеться, — горько усмехнулся он про себя. — Наша связь не успела замкнуться. Кейт не заслужила участи быть парой монстра. Я не достоин её. И никогда не был достоин своей великой, благородной стаи серебряных волков».

Трей сделал глубокий, очищающий вдох, заставляя внут-

рение щиты подняться и отсечь призраков прошлого.

«Ладно. Хватит трусить. Надо взять себя в руки. Это всего лишь один обычный вечер в кругу близких людей. Если я почувствую, что контроль ускользает, или зверь начнёт проявлять агрессию, я просто тихо уйду под любым предлогом».

Эта мысль немного успокоила его. Собрав остатки воли в кулак, Трей наконец заставил себя подойти к старому, слегка помутневшему зеркалу на комод, чтобы завершить последние приготовления. Посмотрев на своё отражение, он на мгновение замер, искренне удивившись тому, насколько привлекательно и статно он, оказывается, мог выглядеть. За годы затворничества в грязной рабочей робе он совсем забыл, каков он на самом деле, если просто привести себя в порядок.

На него смотрел высокий, широкоплечий мужчина. Густые тёмно-каштановые волосы аккуратно лежали, отливая благородным блеском. Гладко выбритое лицо открывало правильные, резкие черты — оно было по-настоящему красивым, сильным и мужественным, хотя в складке губ всё ещё таились отголоски застарелой, невыносимой печали. Но главным изменением были глаза. Его янтарные, волчьи глаза, которые так долго были либо налиты кровью безумия, либо потухшими от депрессии, снова начинали светиться мягким, живым и глубоким светом. В самой их глубине, вопреки всему пережитому адскому кошмару, рождалась робкая, но

непреклонная надежда на нормальную, человеческую жизнь.

Ровно в семь часов вечера Трей стоял на крыльце уютного деревянного дома Сэма. Горный воздух к вечеру заметно посвежел, принеся с вершин прохладу и густой аромат сосновой смолы, но Трей этого почти не замечал. Его сердце билось чуть быстрее обычного.

В руках он бережно сжимал скромный, но собранный с душой подарок для Шарлотты — пышный букет нежных горных альпийских цветов, которые он сам отыскал на рассвете у подножия скал, и коробку её любимого печенья из местной кондитерской лавки. Это было меньшее, чем он мог отблагодарить эту добрую женщину за её неизменное тепло.

Трей сделал глубокий вдох, умирняя волнение и заставляя своего внутреннего зверя затихнуть в самых дальних уголках сознания. Он одёрнул полы опрятной приталенной куртки, которая выгодно подчёркивала его широкие плечи, и занёс руку для стука.

Но в самый последний миг его внезапно окутало какое-то странное, острое и недоброе предчувствие. Волоски на загривке инстинктивно встали дыбом, а в груди глухо заворочался гибрид, словно почуявший невидимую угрозу. Воздух вокруг дома внезапно показался Трей чересчур тяжёлым, почти ядовитым. Инстинкты оборотня, которые никогда его не подводили, отчаянно закричали о том, что за этой дверью его ждёт нечто, способное навсегда разрушить его хрупкий покой.

Трей замер на несколько секунд, борясь с желанием бросить цветы и броситься обратно в лес. Но, переборов липкую тревогу и списав всё на банальное волнение перед встречей с незнакомцами, он упрямо поднял руку и трижды негромко, но уверенно постучал в массивную дубовую дверь.

Изнутри тут же донеслись весёлые голоса, звон посуды и торопливые, лёгкие шаги. Трей замер, готовый встретиться лицом к лицу с тем, что приготовила ему судьба за порогом этого дома.

Массивная дубовая дверь с мягким щелчком отворилась, и на пороге показалась Шарлотта. Это была удивительно тёплая, полноватая женщина лет пятидесяти с добрыми лучистыми глазами и мягкой улыбкой. На ней был простой домашний фартук, испачканный в муке, а от всей её фигуры веяло тем самым материнским уютом, которого Трей был лишён всю свою жизнь.

— Трей! Ну наконец-то! — всплеснула руками женщина, её лицо просияло при виде нарядного парня. Заметив в его руках пышный букет нежных альпийских цветов, она растроганно прижала ладони к груди. — Ох, какая красота! Спасибо тебе огромное, дорогой. Заходи скорее, все уже в сборе, только тебя и ждём.

Шарлотта забрала подарок и ласково подтолкнула Трея внутрь уютной, ярко освещённой прихожей. Из глубины дома доносились аппетитные запахи запечённого мяса и того самого яблочного пирога, а также весёлый, раскатистый смех

Сэма. Трей послушно прошёл за хозяйкой в просторную гостиную, где в центре стоял накрытый праздничной скатертью стол.

За столом, рядом с сияющим Сэмом, сидела молодая девушка.

— Трей, знакомься, это моя дочурка — Микаэла! — с гордостью в голосе провозгласил Сэм.

Трей вежливо кивнул, разглядывая девушку. Микаэла была настоящей красавицей, унаследовавшей от отца его сильный, открытый взгляд, а от матери — мягкие черты лица. У неё были длинные, выующиеся каштановые волосы, зазорные веснушки на носу и удивительно чистые, искренние карие глаза. Она улыбнулась Трею так тепло и искренне, что на секунду его гнетущая тревога отступила.

Но ровно до того момента, пока из тени коридора в яркий свет гостиной не шагнул четвёртый участник этого ужина — жених Микаэлы.

В ту же секунду весь мир для Трея перестал существовать. Воздух в комнате словно разом превратился в лёд, а всё его тело до боли, до белых костяшек пальцев напряглось от леденящего осознания действительности и внезапного, дикого страха. Трей застыл, не в силах сделать даже вдох. Обострённые инстинкты гибрида сработали мгновенно, безошибочно расшифровав чужака. В нос ударил едва уловимый для людей, но смертоносный для оборотней запах — холодный, металлический, пахнувший застывшей кровью и вековой смер-

тью.

Перед ним стоял вампир.

И от этого бессмертного существа веяло не просто опасностью, а чистым, извращённым злом. Это был не благородный аромат клана Веллер, к которому Трей привык. От парня Микаэлы исходила удушливая, ядовитая энергетика жестокого хищника, который явился сюда явно не с миром.

В ту же секунду запертый глубоко внутри гибрид взбесился. Проклятый, первобытный зверь, почуяв заклятого врага, с безумной яростью бросился на ментальные прутья клетки, пытаясь вырваться наружу. Трей почувствовал, как его когти готовы удлиниться, а янтарные глаза — налиться кровью безумия прямо на глазах у ошеломлённой человеческой семьи. Это был критический момент. Сцепив зубы до скрежета и до боли вонзив ногти в собственные ладони под столом, Трей совершил колоссальное, нечеловеческое усилие воли. Задействовав все ментальные щиты, которые он выстраивал долгие десять лет в этих горах, он заставил зверя подчиниться, загнав его обратно в темноту подсознания. Внешне Трей остался неподвижен, лишь его лицо пугающе побледнело, а взгляд намертво пригвоздил улыбающегося вампира к месту. Ужин, который должен был стать праздником, в один миг превратился в смертельную ловушку.

Вампир замер на пороге гостиной, и на его бледных губах заиграла тонкая, едва заметная ухмылка. Сверхъестественное чутьё бессмертного хищника сработало безошибочно.

Взглянув на бледного, напряжённого Трея, вампир сразу и без труда понял, кто именно стоит перед ним за этим мирным праздничным столом. Этот леденящий запах, эта бешеная, едва сдерживаемая энергетика зверя и затаённая мощь — перед ним был оборотень.

Но это пугающее открытие ни на секунду не испугало незваного гостя. Напротив, в его холодных глазах вспыхнул опасный, азартный огонёк. Казалось, присутствие древнего врага оборотней в тихом человеческом доме раззадорило его ещё больше, превращая скучный семейный ужин в увлекательную и смертоносную игру. Он сделал грациозный шаг вперёд, лицемерно и мягко улыбаясь ничего не подозревающим хозяевам.

Микаэла, сияя от счастья и абсолютно не замечая того ментального ада, что развергся между мужчинами, поднялась со своего места и ласково взяла жениха за руку.

— Трей, познакомься, это мой парень, Элайджа! — с гордостью и нежностью в голосе произнесла девушка, переводя взгляд на Трея.

Элайджа шагнул к столу, и яркий свет люстры наконец полностью осветил его. Он был пугающе красив аристократической, хищной красотой, но в его облике не было и намёка на хрупкость. Дорогой, идеально скроенный по фигуре костюм едва сдерживал мощь его рельефного атлетического телосложения, подчёркивая стальные мышцы груди и рук. Иссиня-черные волосы были безупречно уложены. Кожа

Элайджи казалась мраморной, почти прозрачной, а его глаза — глубокого, неестественно тёмного оттенка — смотрели на мир со скрытой насмешкой и леденящим превосходством. В каждом его плавном, кошачьем движении сквозила скрытая грация опасного, невероятно сильного убийцы, который веками находился на вершине пищевой цепочки.

Микаэла сделала лёгкий жест рукой, завершая представление:

— Элайджа, а это Трей. Лучший помощник моего отца и самый близкий друг нашей семьи.

Бессмертный хищник протянул Трею свою бледную, пугающе холодную ладонь. Их взгляды скрестились, словно обнажённые клинки в разгар битвы. Воздух в комнате стал настолько плотным, что людям казалось, будто в гостиной внезапно упало давление. Пока Сэм и Шарлотта добродушно улыбались, два сильных и опаснейших существа этого мира официально познакомились друг с другом. Они вели беззвучную войну инстинктов, где любая ошибка могла стоить жизни всей этой семье.

Трей на секунду помедлил, а затем медленно поднял руку и ответил на рукопожатие. Едва их ладони соприкоснулись, по венам гибрида словно пропустили ледяной электрический ток. Трей мгновенно ощутил, что этот вампир далеко не так прост, каким пытался казаться перед смертными. Элайджа обладал невероятной, колоссальной физической мощностью.

Когда бессмертный хищник демонстративно и со скрытым вызовом сжал ладонь Трея, пальцы гибрида едва не хрустнули под этим стальным натиском. Внутренний волк внутри изгнанника глухо зарычал от удивления и ярости. Трей прекрасно знал цену истинной силе. За все долгие десять лет своих скитаний он сталкивался со множеством сверхъестественных существ, но такую сокрушительную, вековую энергетику, готовую в любой миг раздавить противника, он ощущал лишь однажды. От Элайджи веяло точно такой же тёмной, безграничной и непоколебимой властью, какую излучали Маркус и Бальтазар Веллер — истинные вожаки могущественного клана вампиров, когда-то спасшие Трея из плена.

Осознание этого факта заставило Трея внутренне содрогнуться. Перед ним стоял не рядовой кровожадный бродяга, а древний, прекрасно обученный и накачанный чистой вампирской силой монстр высшего порядка. И то, что такой опасный хищник втёрся в доверие к юной Микаэле и сидел за столом в доме ничего не подозревающего Сэма, означало лишь одно: хрупкий покой, который Трей выстраивал годами, окончательно разрушен.

Трей упрямо сжал челюсти и ответил Элайдже таким же мощным, титаническим давлением ладони, давая понять бессмертному врагу, что, несмотря на весь свой страх, оборотень готов драться за эту человеческую семью до последней капли крови. На губах Элайджи от этого жеста промельк-

нула едва заметная, хищная и довольная ухмылка. Игра официально началась.

Уютная комната окончательно наполнилась весёлым смехом, звоном бокалов и непринуждёнными разговорами. Сэм, сияя от отцовской гордости, постоянно о чём-то расспрашивал, а Микаэла, не переставая, с упоением рассказывала о своей городской жизни, учёбе и, конечно же, о своём новом молодом человеке. Элайджа вёл себя как идеальный, безупречно воспитанный джентльмен. Он мастерски поддерживал беседу, шутил впопад и непринуждённо улыбался хозяевам дома, очаровывая Шарлотту и завоёвывая расположение Сэма.

Трей практически не слушал то, о чём они говорили. Весь этот праздничный гул доносился до него словно сквозь толщу воды. Он был полностью, без остатка погружён в собственное сознание, где прямо сейчас разворачивалась жестокая, невидимая для людей битва. Избирательное и безумно обострённое обоняние оборотня продолжало ловить удушливый, металлический запах древней смерти, исходящий от Элайджи.

Трей прикладывал колоссальные, просто титанические усилия, чтобы удержать и не дать вырваться запертому внутри существу. Проклятого гибрида контролировать было в сотни раз тяжелее, чем обычного волка оборотня. В его жилах бурлила извращённая, чужеродная магия Майкла, которая делала этого монстра в несколько раз сильнее, яростнее

и свирепее любого Альфы.

Гибрид внутри Трея отчаянно, с диким, беззвучным рыком бился о ментальные прутья клетки, раздирая его разум в кровь. Зверь подчинялся первобытному, древнему инстинкту: он почуял сильного бессмертного врага высшего порядка и теперь требовал только одного — вырваться наружу, разнести этот мирный стол в щепки и мёртвой хваткой вцепиться в глотку улыбающегося вампира.

Под столом пальцы Трея до хруста впились в колени, а на лбу выступили крупные капли холодного пота. Он держался из последних сил, понимая, что если зверь победит хотя бы на секунду, эта человеческая семья погибнет первой.

Наконец-то Трей сумел совершить невозможное. Проявив железную волю, он заставил бешено пульсирующую кровь гибрида замедлить свой бег и полностью подчинил беснующегося зверя своей человеческой сути. Трей незаметно сделал глубокий, выдох чувствуя, как постепенно расслабляются окаменевшие мышцы. Но расслабляться по-настоящему было смертельно опасно. В его голове, сменяя друг друга в хаотичном порядке, лихорадочно крутились тяжёлые, мрачные мысли.

«Я должен во что бы то ни стало выяснить, какие чёрные замыслы скрывает этот ублюдок, — Трей исподлобья заставил себя спокойно взглянуть на смеющегося Элайджу.

— И самое главное — я обязан защитить Сэма, Шарлотту и Микаэлу. Единственных людей во всей вселенной, которых

я за эти десять лет изгнания смог искренне назвать своей семьёй.

Но что же он задумал? Элайджа явно не из тех рядовых кровопийц, что рыщут по диким землям. Он слишком могуществен. Зачем бессмертному существу такого высшего порядка сдалась простая человеческая девушка из глухой горной деревни? Трей незаметно сжал пальцы в кулак, мысленно оценивая шансы.

«Мне ещё ни разу в жизни не приходилось в одиночку, без помощи стаи или Тайлера, сражаться с противником такого уровня. Это смертельный риск. Но если прольётся кровь, если этот хищник посмеет обнажить клыки, я защищу Сэма и его близких ценой собственной жизни. Мне нечего терять. Зато у меня в рукаве припрятан козырь, о котором этот самонадеянный кровосос даже не догадывается. Навряд ли он понял, что перед ним не обычный, пусть и сильный оборотень. Он не знает, что я — проклятый гибрид, несущий в себе ярость двух миров. Это станет моим главным преимуществом. Если ситуация дойдёт до предела и я осознанно выпущу своего монстра наружу, его сокрушительная сила позволит мне разорвать Элайджу на куски и одержать победу. Главное... главное, чтобы после этой бойни я смог усмирить зверя и вернуть контроль обратно».

При этой мысли на суровых, плотно сжатых губах Трея отразилась едва заметная, холодная и хищная улыбка оборотня, готового к скорой схватке.

Наконец, долгий, изнурительный ужин подошёл к концу. Шарлотта и Микаэла принялись убирать со стола, тихо перешёптываясь на кухне, а Сэм, сыто откинувшись на спинку стула, добродушно посмотрел на молодых мужчин.

— Так, парни, — Сэм похлопал себя по карманам куртки, доставая старую трубку. — Хватит штаны протирать. Элайджа, у тебя там в багажнике, кажется, осталась тяжеленная коробка с подарками для Шарлотты и какими-то вещами Микаэлы? Трей, друг, помоги ему дотащить её до веранды, а я пока раскурю табак на крыльце.

— Без проблем, Сэм, я с радостью, — мягко и услужливо отозвался Элайджа, поднимаясь из-за стола. Его идеальные манеры по-прежнему оставались безупречными, но взгляд, брошенный на Трея, стал ещё более насмешливым.

Трей лишь молча кивнул. Сердце гибрида забилось в предвкушении. Это был тот самый момент, которого он ждал. Шанс остаться наедине в темноте, без свидетелей, и сбросить фальшивые маски.

Они вышли на улицу. Горная ночь окончательно вступила в свои права, окутав деревушку ледяной прохладой и глухой, звенящей тишиной. Сэм остался у дверей, чиркая спичкой и пуская клубы ароматного дыма, а Трей и Элайджа двинулись вглубь двора, к припаркованному у обочины дорогому автомобилю вампира.

Как только они отошли на достаточное расстояние, где Сэм физически не мог их услышать, непринуждённая атмо-

сфера праздника мгновенно испарилась. Шаги Элайджи стали неестественно бесшумными, а его фигура словно слилась с ночными тенями. Вампир не спешил открывать багажник. Вместо этого он остановился, медленно повернулся к Трею и, засунув руки в карманы брюк, хищно сощурил свои тёмные, пугающие глаза.

— Ну привет, дворняжка, — тихим, леденящим шёпотом начал Элайджа, и в его голосе больше не было той мягкости, которой он очаровал женщин на кухне. — Долго же ты изображал из себя ручного пёсика за этим столом. Я прямо-таки чувствовал, как ты едва не подавился яблочным пирогом Шарлотты, пытаюсь удержать своего блохастого зверя.

Трейд остановился в двух шагах от него, расправив широкие плечи. Его взгляд горел янтарным огнём, а зубы сжались так сильно, что на скулах заиграли желваки.

— Ближе к делу, кровосос, — процедил Трейд сквозь зубы, удерживая голос в рамках обычного человеческого шёпота, хотя внутри него всё клокотало от ярости. — Я знаю, кто ты. И знаю, что от тебя воняет падалью и чистым злом. Что такому могущественному вампиру нужно в этой глуши от простой человеческой девушки и её семьи? Говори, пока я не оторвал твою фальшивую башку прямо здесь, на этом газоне.

— Ты слишком большого о себе мнения, псина, если всерьёз полагаешь, будто я стану посвящать тебя в свои планы, — Элайджа лениво откинул прядь чёрных волос со лба. Его голос звучал вкрадчиво, почти шёпотом, но в этой тишине

сквозила несокрушимая, леденящая уверенность хищника, привыкшего повелевать. — Просто не путайся у меня под ногами. Сиди тихо в своей будке, и тогда твоя новая человеческая семья не пострадает.

«Он недооценивает меня. Считает обычным побитым псом и не видит во мне реальной угрозы. Что ж, высокомерие бессмертных — их главная слабость. Это точно сыграет мне на руку», — хладнокровно отметил про себя Трей, внешне оставаясь каменным изваянием.

— Всё, что от тебя требуется, — не высовываться. И, возможно, когда всё закончится, я проявлю великодушие и оставлю тебя в живых, — с явным пренебрежением бросил Элайджа.

Вампир развернулся и своей вальяжной, кошачьей походкой направился обратно к залитому тёплым светом крыльцу. Напоследок он бросил через плечо издевательский приказ: не забудь разгрузить багажник и дотащить его вещи до веранды.

Зверь внутри Трея взвился на дыбы, требуя немедленно догнать ублюдка и перекусить его стальной хребет. Но за десять лет изгнания Трей научился умирять эту ярость. Он закрыл глаза, сделал вдох и с лёгкостью загнал гибрида обратно во тьму подсознания. *«Терпение. Только терпение. Если я хочу спасти Сэма, мне придётся играть по правилам этого кровососа. Но только до тех пор, пока я не узнаю правду».*

Спустя полчаса, тепло попрощавшись с хозяевами и ещё

раз искренне поблагодарив растроганную Шарлотту за потрясающий яблочный пирог, Трей покинул уютный дом. Дорога до его одинокой хижины на отшибе пролетела незаметно. Под ногами хрустел мелкий гравий, над головой раскинулось безлунное чёрное небо, а Трей без конца прокручивал в голове каждую деталь этого ужина. Он лихорадочно искал ответы, цеплялся за интонации Элайджи, анализировал его жесты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.